

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД

АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН
НА САЙТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

www.echr.coe.int

В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО СТЕПАН ЗИМИН против РОССИИ"

(Жалобы №№ 63686/13 и 60894/14)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

Вынесено
30 января 2018 года

Вступило в силу
2 июля 2018

Настоящее постановление вступит в силу в порядке, установленном в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Степан Зимин против России»,
Европейский Суд по правам человека (Третья секция), заседая
Палатой в составе:
Хелена Йедерблом, Председатель,
Луис Лопес Герра,
Дмитрий Дедов,
Пере Пастор Виланова,
Алина Полачкова,
Георгиос А. Сергидес,
Йолин Схёккинг, судьи,
а также Фатош Араци, Заместитель секретаря Секции,
проведя заседание за закрытыми дверями 9 января 2018 года,
вынес следующее постановление, утвержденное в вышеназванный
день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было возбуждено на основании двух жалоб (№№ 63686/13 и 60894/14) против Российской Федерации, поданных в Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») от гражданина Российской Федерации Степана Юрьевича Зимина (далее — «заявитель»), 1 октября 2013 года и 2 сентября 2014 года, соответственно.

2. Интересы заявителя в Суде представлял Д.В. Аграновский, адвокат, практикующий в г. Электросталь. Интересы властей Российской Федерации (далее — «Власти») первоначально представлял Г. О. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, а впоследствии — его преемник М. Л. Гальперин.

3. Заявитель жаловался на преследование и признание виновным в участии в массовых беспорядках. Он указал, что его содержание под стражей в ходе предварительного следствия не имело соответствующих и достаточных оснований. Он также утверждал, что условия его транспортировки из следственного изолятора в суд и обратно, а также условия его содержания под стражей в стеклянных кабинках в залах суда, привели к бесчеловечному и унижающему достоинство обращению. Заявитель также жаловался на нарушение его права на свободу выражения мнения и права на мирные собрания.

4. 19 декабря 2013 года и 13 октября 2014 года жалобы были коммуницированы Властям. 19 декабря 2013 года было принято

решение рассмотреть жалобу № 63686/13 в приоритетном порядке на основании правила 41 Регламента Суда.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель, 1992 года рождения, проживает в г. Узловая Тульской области.

А. Демонстрация 6 мая 2012 года

6. Факты, касающиеся планирования, проведения и разгона демонстрации на Болотной площади, более подробно изложены в постановлении Европейского Суда от 5 января 2016 года по делу «Фрумкин против России» (*Frumkin v. Russia*) (жалоба № 74568/12, пункты 7-65), а также в постановлении Европейского Суда от 4 октября 2016 года по делу «Ярослав Белоусов против России» (*Yaroslav Belousov v. Russia*) (жалобы №№ 2653/13 и 60980/14, пункты 7-33). Доводы сторон относительно обстоятельств, имеющих непосредственное отношение к настоящему делу, изложены ниже.

7. 6 мая 2012 года в центре Москвы прошла манифестация под названием «Марш миллионов» в знак протеста против предположительно сфальсифицированных выборов президента. Мероприятие было согласовано с городскими властями в форме шествия и последующего митинга на Болотной площади, который должен был завершиться в 19:30. Шествие было мирным и проходило без каких-либо нарушений, но когда участники шествия дошли до Болотной площади, выяснилось, что установленные полицией заграждения сузили проход на место проведения митинга и предположительно ограничивали место, выделенное для его проведения. Для контролирования толпы полицейский кордон удерживал протестующих в периметре заграждений; имели место множественные столкновения между двумя сторонами. В 17:30 полиция объявила о досрочном завершении митинга и начала разгонять участников. Для того чтобы очистить площадь, потребовалось около двух часов.

8. В тот же день управление Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве возбудило уголовное дело для расследования предполагаемых массовых беспорядков и насильственных действий в отношении полиции (ч. 2 статьи 212 и ч. 1 статьи 318 Уголовного Кодекса). 18 мая 2012 года материалы дела

были направлены в штаб-квартиру Следственного комитета для дальнейшего расследования. 28 мая 2012 года было также начато расследование уголовного преступления в виде организации массовых беспорядков (часть 1 статьи 212 Уголовного кодекса). В тот же день два уголовных дела были объединены в одно производство.

Б. Задержание и предварительное заключение заявителя

9. На момент задержания заявитель являлся студентом четвертого курса Российского государственного гуманитарного университета. 6 мая 2012 года он принял участие в демонстрации на Болотной площади. После рассматриваемых событий он проживал по своему прежнему адресу и продолжал учебу.

10. 8 июня 2012 года заявитель был задержан по подозрению в участии в массовых беспорядках и применении насилия в отношении сотрудников полиции во время демонстрации 6 мая 2012 года.

11. 9 июня 2012 года Басманный районный суд г. Москвы распорядился о продлении срока предварительного содержания заявителя под стражей до 8 августа 2012 года. Он сослался на тяжесть предъявленных обвинений и указал, что при нахождении на свободе заявитель может координировать свою позицию с сообщниками, которых еще надлежит установить и личности которых все еще устанавливаются следствием. Суд заключил, что указанные обстоятельства давали достаточные основания полагать, что заявитель может скрыться с целью избежать следствия и суда, продолжить преступную деятельность, уничтожить улики или иным образом затруднить расследование уголовного дела, которое все еще находилось на первоначальном этапе.

12. 15 июня 2012 года заявителю были предъявлены обвинения в соответствии с частью 2 статьи 212 (участие в массовых беспорядках с применением насилия) и частью 1 статьи 318 (применение насилия в отношении представителя власти) Уголовного кодекса. В частности, он обвинялся в попытке прорыва через полицейский кордон и в том, что кидал куски гудрона и камни в полицейского К., что привело к перелому пальца у последнего.

13. 16 июля 2012 года Московский городской суд оставил постановление о содержании под стражей от 9 июня 2012 года без изменений.

14. 6 августа 2012 года Басманный районный суд рассмотрел новое ходатайство следователя о продлении срока предварительного содержания заявителя под стражей. Заявитель ходатайствовал об изменении превентивной меры на домашний арест, подписку о невыезде или личные гарантии. В тот же день районный суд удовлетворил ходатайство следователя и продлил срок содержания

заявителя под стражей до 6 ноября 2012 года. Он счел, что обстоятельства, которые являются основаниями для содержания заявителя под стражей, не изменились.

15. 12 сентября 2012 года Московский городской суд оставил постановление о продлении от 6 августа 2012 года без изменений.

16. 30 октября 2012 года Басманный районный суд разрешил продлить срок содержания заявителя под стражей до 6 марта 2013 года, в основном, по тем же причинам, отметив, что обстоятельства, оправдывающие распоряжение о заключении под стражу, не изменились.

17. 20 ноября 2012 года обвинения против заявителя были сформулированы повторно. Было указано, что он явился в место проведения общественного мероприятия в маске, которую позднее надел с целью скрыть лицо. Он выкрикивал антиправительственные лозунги и бросил, как минимум, три куса гудрона в полицейских. Один из кусков ударил полицейского К. по правой руке, причинив ему боль, но не нанеся травмы. Классификация преступлений была оставлена без изменений.

18. 1 марта 2013 года и 22 апреля 2013 года Басманный районный суд удовлетворил ходатайства следователя о продлении срока предварительного содержания заявителя под стражей до 8 июня и 6 июля 2013 года, соответственно. Суд счел, что обстоятельства, которые являются основаниями для содержания под стражей, не изменились. Московский городской суд оставил указанные распоряжения о продлении сроков содержания под стражей без изменений 10 апреля и 30 мая 2013 года, соответственно.

19. 24 мая 2013 года уголовное дело в отношении заявителя было направлено в Замоскворецкий районный суд г. Москвы для определения уголовных обвинений.

20. 6 июня 2013 года указанный суд вновь продлил срок содержания заявителя под стражей до 24 ноября 2013 года. Это решение касалось одиннадцати подсудимых. В своем решении суд, наряду с тяжестью предъявленных обвинений, опирался на выводы о том, что «основания, которые изначально обуславливали заключение под стражу, не изменились», и что «никакие другие меры пресечения не обеспечат цели и задачи судопроизводства». Ходатайство заявителя в отношении альтернативной превентивной меры было отклонено на том основании, что иная мера не могла обеспечить надлежащего отправления правосудия в деле. 2 июля 2013 года Московский городской суд оставил постановление о продлении срока содержания под стражей без изменений.

21. 19 ноября 2013 года Замоскворецкий районный суд г. Москвы вынес еще одно постановление о продлении срока содержания под стражей в отношении девяти подсудимых, включая заявителя. Он

распорядился о продлении срока содержания заявителя под стражей до 24 февраля 2014 года на основании тяжести обвинений и характера вмененных преступлений. 17 декабря 2013 года Московский городской суд оставил постановление о продлении срока содержания заявителя под стражей без изменений.

В. Условия содержания заявителя под стражей

22. Заявитель содержался под стражей в ИЗ-77/5 в четырех разных камерах в течение всего срока его предварительного содержания под стражей с 20 июня 2012 года. Он не представил описания условий его содержания под стражей.

Г. Транспортировка из следственного изолятора в суд и обратно

23. Описание заявителем условий содержания под стражей во время транспортировки из СИЗО в суд и обратно и замечания Властей в данном отношении идентичны приведенным в постановлении по делу Ярослава Белоусова (упомянуто выше, пункты 69-73).

24. Что касается условий содержания под стражей в конвойной комнате Московского городского суда, заявитель указал, что она была плохо освещена и что в туалет разрешалось сходить один раз в час. Также от него требовали раздеваться и приседать в ходе личного обыска в конвойной комнате.

Д. Условия в зале суда

25. 6 июня 2013 года судебные разбирательства начались в зале для слушаний № 338 Московского городского суда, и в конце июля 2013 года были перенесены в зал для слушаний № 635. В обоих залах для слушаний ответчики, включая заявителя, содержались в стеклянных кабинках. С середины сентября 2013 года до конца 2013 года слушания продолжались в Никулинском районном суде г. Москвы в зале для слушаний № 303, и в январе и феврале 2014 года слушания проводились в Замоскворецком районном суде в зале для слушаний № 410. Указанные залы для слушаний были оборудованы металлическими клетками, в которых девять ответчиков (с 19 декабря 2013 года – восемь), включая заявителя, находились в ходе слушаний.

26. Подробное описание условий в указанных залах для слушаний приведено в постановлении по делу Ярослава Белоусова (упомянуто выше, пункты 74-77).

Е. Судебное разбирательство в отношении заявителя

27. 6 июня 2013 г. Замоскворецкий районный суд г. Москвы начал предварительное слушание по уголовному делу в отношении десяти участников демонстрации на Болотной площади, которые обвинялись в участии в массовых беспорядках и применении насилия в отношении полицейских. 18 июня 2013 года тот же суд начал рассмотрение дела по существу.

28. В неустановленный день полицейский К., предполагаемый потерпевший в результате нападения заявителя, был допрошен в качестве свидетеля. Он указал, что заметил заявителя в толпе; на лице заявителя была черная маска с прорезями для глаз. Заявитель действовал агрессивно и кидал куски гудрона, бутылки и камни в полицейских, вместе с другими участниками. Один из кусков гудрона ударил его по правой руке, что привело к перелому пальца. Затем К. задержал заявителя, который пытался скрыться и оказал сопротивление полицейским. Другой полицейский, К.К., также был допрошен в качестве свидетеля и показал, что заявитель кидал камни в полицейских.

29. 21 февраля 2014 года Замоскворецкий районный суд признал заявителя виновным по всем пунктам обвинения. В частности, он постановил следующее:

«С 16:00 до 20:00 6 мая 2012 года.... на Болотной площади...неустановленные лица...призвали присутствующих [на месте проведения мероприятия] двигаться за пределы согласованного места проведения мероприятия, к нарушению законных приказов полиции..., применению насилия...что привело к массовым беспорядкам, сопровождавшимся применением насилия к представителям власти в связи с исполнением их обязанностей [и] разрушением имущества.

В тот же день, не позднее 17:00 [ответчики] решили принять участие в массовых беспорядках и применить насилие в отношении... полицейских...

Таким образом, во исполнение своего преступного намерения, в неустановленное время и в неустановленном месте... [заявитель] ... надел маску, чтобы скрыть лицо и не быть узнанным и привлеченным к ответственности за совершение незаконных действий ...

... между 17:00 и 18:30 [заявитель] ... неоднократно выкрикивал анти-правительственные лозунги.

Более того,... участники массовых беспорядков кидали в полицейских куски гудрона, камни, палки и другие объекты..., которые попадали в полицейских, и [ответчики],... [которые] которые принимали участие в массовых беспорядках,... реализовали свое преступное намерение по применению насилия в отношении представителей власти..., применив физическую силу, что не представляло опасности для жизни или здоровья таких [представителей власти] ...

[Заявитель] применил насилие в отношении полицейского [К.], что не угрожало жизни или здоровью последнего ...

[Заявитель] ... в период между 17:00 и 18:30 ... надел маску, чтобы скрыть лицо ... и прицельно бросил минимум три куска гудрона ... в полицейских ... Один из таких кусков ... размером 15 на 15 см ... попал в правую руку полицейского [К.] ... причинив ему боль. ...

[Заявитель] заявил о своей невиновности и указал, что ... принял решение посетить общественное собрание 6 мая 2012 года ... после проверки безопасности он надел маску с прорезями для глаз, так как не хотел быть признанным членами оппозиции ... В ходе стихийных массовых движений он пытался покинуть место проведения мероприятия, но не смог выбраться из толпы... В определенный момент... [заявитель] увидел троих полицейских с дубинками, следующих в его направлении. Он испугался и попытался спрятаться от них в толпе, но они догнали его, завели ему руки за спину и один из полицейских спросил, почему он в маске и сообщил, что это запрещено. ... [заявитель] снял маску, и полицейские конвоировали его к полицейскому автомобилю. Затем они вернули ему маску. ... [заявитель] не поднимал никаких объектов и не бросал их в полицию, он не принимал участия в действиях в отношении полицейского К. и не сопротивлялся задержанию.

... суд заключает, что вина [заявителя] установлена на основании следующих доказательств: ... медицинское заключение эксперта, в котором указано, что... К. получил перелом пальца, который мог быть причинен... 6 мая 2012 года... процесс восстановления займет более 21 дня...

... суд считает аргументы [ответчиков] о том, что они защищали кого-то от полицейских, или стали потерпевшими в результате применения силы полицейскими, вымышленными и направленными на избежание ответственности...».

30. Заявитель был приговорен к трем годам и шести месяцам лишения свободы, рассчитанным на основании трех лет лишения свободы в соответствии с частью 2 статьи 212 Уголовного кодекса, частично совпадающих с одним годом и четырьмя месяцами лишения свободы в соответствии с частью 1 статьи 318 Уголовного кодекса. Срок предварительного содержания заявителя под стражей был зачтен в срок тюремного заключения.

31. Заявитель обжаловал это постановление. Он оспорил свое участие в массовых беспорядках и настаивал на том, что не наносил телесных повреждений полицейскому К. Заявитель также жаловался на то, что суд отказал в допросе полицейского Ш., который мог подтвердить версию событий, изложенную заявителем.

32. 20 июня 2014 года Московский городской суд оставил без изменений постановление, вынесенное судом первой инстанции.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

33. Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает следующее:

Статья 212 Массовые беспорядки

«1. Организация массовых беспорядков, сопровождавшихся насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением оружия, взрывных устройств, взрывчатых, а также оказанием вооруженного сопротивления представителю власти, наказываются лишением свободы на срок от четырех до десяти лет.

2. Участие в массовых беспорядках, предусмотренных частью первой настоящей статьи, наказывается лишением свободы на срок от трех до восьми лет.

3. Призывы к массовым беспорядкам, предусмотренным частью первой настоящей статьи, или к участию в них, а равно призывы к насилию над гражданами наказываются ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок».

Статья 318 Применение насилия в отношении представителя власти

«1. Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения насилия в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей наказываются штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на срок до пяти лет...»

34. Краткое изложение применимого национального законодательства, регулирующего предварительное заключение под стражу, а также практики внутригосударственных судов приводится в постановлении Европейского Суда от 24 марта 2016 года по делу «Жеребин против России» (*Zherebin v. Russia*) (жалоба № 51445/09, пункты 16-25).

ПРАВО**I. ОБЪЕДИНЕНИЕ ЖАЛОБ**

35. В связи с тем, что данные жалобы относятся к общим фактами и правовым вопросам, Суд принял решение объединить эти две жалобы в одно производство в соответствии с пунктом 1 правила 42 Регламента Суда.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ ВО ВРЕМЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ

36. Заявитель жаловался в соответствии со статьей 3 Конвенции на предположительно ненадлежащие условия его содержания под стражей в ИЗ-77/5, в конвойной комнате в Московском городском суде и в ходе транспортировки в следственный изолятор и обратно. Статья 3 Конвенции гласит следующее:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

А. Приемлемость жалобы

37. Власти указали, что заявитель не указал определенные данные об условиях его содержания под стражей в следственном изоляторе; он лишь утверждал, что они являлись бесчеловечными. Они также указали, что заявитель содержался в камерах, в которых ему было предоставлено около четырех квадратных метров личного пространства в течение всего периода его содержания под стражей. Власти также указали, что жалоба на условия содержания под стражей в конвойной комнате Московского городского суда не содержит достаточных подробностей.

38. Суд отмечает, что в первоначальной жалобе заявитель не описал условия его содержания под стражей в следственном изоляторе ИЗ-77/5. В своих последующих замечаниях заявитель не оспаривал аргумент о том, что ему было предоставлено четыре квадратных метра личного пространства в камерах в ходе его содержания под стражей, и не предоставил определенных подробностей в отношении других аспектов физических условий в тюрьме, к примеру, освещения, вентиляции или санитарных условий. Следовательно, Суд считает, что заявитель не был подвергнут воздействию сильной переполненности, что могло само по себе причинить страдания, несовместимые со статьей 3 Конвенции. В отсутствие других жалоб, Суд не может постановить, что условия содержания заявителя под стражей привели к бесчеловечному или унижающему достоинство обращению (см., с соответствующими изменениями, решение Европейского Суда от 18 марта 2014 года по делу «Топал против Республики Молдова» (*Topal v. the Republic of Moldova*), жалоба № 37509/05, пункты 37-38). Следовательно, эта жалоба является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии с пунктами 3 и 4 Статьи 35 Конвенции.

39. Суд также отмечает, что жалоба на условия транспортировки из тюрьмы и обратно, включая условия в конвойной комнате в Московском городском суде, не является явно необоснованной в

значении подпункта (а) пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой на каком-либо другом основании. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

40. Заявитель утверждал, что транспортировки из следственного изолятора в здание суда и обратно привели к бесчеловечному и унижающему достоинство обращению. Он жаловался на частоту и длительность транспортировки, на ужасные условия в конвойной комнате и в полицейских фургонах, а также на напряженный график, из-за которого у него не было достаточно времени для сна. Заявитель утверждал, что сочетание указанных выше факторов физически истощило его и вызвало психическое расстройство.

41. Власти указали, что в ходе слушаний его уголовного дела в суде заявитель восемьдесят раз доставлялся из следственного изолятора в здание суда и обратно. Заявитель не оспаривал количество транспортировок.

42. Суд рассмотрел условия транспортировки в/из зала суда, общие для заявителя и его соотечественников, в постановлении Европейского Суда по делу Ярослава Белоусова (упомянуто выше, пункты 103-11). Он установил, что указанные условия представляли собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение, противоречащее статье 3 Конвенции, в связи с нехваткой отдыха и сна в дни проведения судебных слушаний, переполненностью и в целом плохими условиями в конвойных комнатах в здании Московского городского суда, длительностью поездок из изолятора в суд и обратно и плохими условиями во время транспортировки. Суд не видит никаких причин отклоняться от данных выводов в настоящем деле. Следовательно, было допущено нарушение статьи 3 Конвенции в данном отношении.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ СОДЕРЖАНИЯ В СТЕКЛЯННЫХ КАБИНАХ И МЕТАЛЛИЧЕСКИХ КЛЕТКАХ В ХОДЕ СУДЕБНЫХ СЛУШАНИЙ

43. Заявитель жаловался на то, что его содержание в стеклянных кабинах и в металлических клетках во время судебных слушаний представляло собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение. Он ссылаясь на статью 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

А. Приемлемость жалобы

44. Власти указали, что жалобы заявителя в соответствии со статьей 3 Конвенции были поданы с нарушением срока. В данном отношении они повторили свои замечания, представленные в постановлении по делу Ярослава Белоусова (упомянуто выше, пункт 113).

45. Суд отмечает, что предполагаемое жестокое обращение имело место в ходе слушаний в суде первой инстанции, которые завершились 21 февраля 2014 года, и что заявитель не указал, что такое обращение продолжилось в ходе слушаний по апелляции. Суд повторяет, что содержание заявителя в стеклянных кабинах и металлических клетках относилось к двум различным периодам с существенным образом отличающимися условиями содержания под стражей, и не может рассматриваться в качестве длящейся ситуации для целей расчета шестимесячного срока, определенного в пункте 1 статьи 35 Конвенции (там же, пункт 114). Дополнительно, Суд ранее принимал то, что заявителям не было доступно средство правовой защиты в отношении условий в зале суда, и что шестимесячный срок следует рассчитывать с даты, когда прекратилось предполагаемое жестокое обращение (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Свинаренко и Сляднев против России» (*Svinarenko and Slyadnev v. Russia*), жалобы №№ 32541/08 и 43441/08, пункт 87, ЕСПЧ 2014 (выдержки)).

46. Что касается предполагаемого жестокого обращения посредством помещения в стеклянные кабины, Суд отмечает, что такое обращение началось 6 июня 2013 года и завершилось в неустановленный день в середине сентября 2013 года, когда судебные разбирательства были перенесены в Никулинский районный суд г. Москвы (см. пункт 25 выше). Заявитель подал жалобу о помещении в стеклянные кабины 1 октября 2013 года, вскоре после переноса судебных разбирательств в другой зал суда, оборудованный металлическими клетками. Предполагаемое жестокое обращение по причине помещения в металлические клетки прекратилось 21 февраля 2014 года, но жалоба на такое обращение была подана только 2 сентября 2014 года.

47. Следовательно, Суд считает, что заявитель нарушил срок подачи жалобы в соответствии со статьей 3 Конвенции на помещение в металлические клетки. Следовательно, она должна быть отклонена в соответствии с пунктами 1 и 4 статьи 35 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 15 ноября 2007 года по делу «Гришин против России» (*Grishin v. Russia*), жалоба № 30983/02, пункт 83).

48. Напротив, Суд заключает, что заявитель выполнил требования шестимесячного срока в отношении жалобы на содержание в стеклянных кабинах. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Кроме того, Суд отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

49. Суд описал принципы, касающиеся содержания в стеклянных кабинах, в постановлении по делу «Ярослав Белоусов против России» (упоминаемое выше, пункты 120-22). Он рассмотрел условия содержания под стражей в залах для слушаний № 338 и 635 Московского городского суда, одинаковые для заявителя и его соответчиков, включая Белоусова (там же, пункты 123-28), и установил нарушение в связи с проблемами, сходными с проблемами в настоящем деле. Рассмотрев все представленные материалы, Европейский Суд не усмотрел каких-либо фактов или доводов, которые бы позволили ему прийти к иному выводу. Следовательно, было допущено нарушение статьи 3 Конвенции в связи с условиями содержания под стражей в зале суда № 338 в Московском городском суде, и не было допущено нарушения статьи 3 Конвенции в связи с условиями содержания под стражей в зале суда № 635.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТОВ 1 И 3 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

50. Ссылаясь на пункт 1 статьи 5 Конвенции, заявитель жаловался на то, что его предварительное заключение под стражу не базировалось на «обоснованном подозрении», в том, что он совершил преступление. Он также жалуется на то, что его предварительное содержание под стражей не имело под собой «значительных и достаточных оснований», как того требует пункт 3 статьи 5 Конвенции. Статья 5 Конвенции в части, относящейся в делу, гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:..

...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения...

...

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному согласно закону судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд».

А. Приемлемость жалобы

51. Что касается предполагаемой незаконности содержания заявителя под стражей, Суд отмечает, что именно Басманный районный суд г. Москвы вынес распоряжение о применении указанной меры, и впоследствии несколько раз продлевал срок ее применения. После того, как его дело было передано в суд Замоскворецкий районный суд г. Москвы вынес постановление о заключении под стражу. Внутригосударственные суды при принятии таких решений действовали в рамках своих полномочий, и нет оснований полагать, что данные решения являлись недействительными или незаконными с точки зрения национального законодательства. Следовательно, содержание заявителя под стражей было вызвано необходимостью и продлевалось в порядке, предусмотренном законом.

52. Что касается утверждения о том, что заключение заявителя под стражу не базировалось на обоснованном подозрении в том, что он совершил преступления, то жалоба заявителя, поданная на основании пункта 1 статьи 5, во многом пересекается с жалобой, поданной на основании пункта 3 статьи 5, на то, что власти не привели значительных и достаточных оснований, оправдывающих продление срока содержания заявителя под стражей на период уголовного судопроизводства. Суд напоминает, что подпункт «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции в основном касается существования законного основания для содержания под стражей в рамках уголовного производства, тогда как пункт 3 статьи 5 Конвенции касается возможного обоснования такого содержания под стражей. Кроме того, в соответствии с устоявшейся прецедентной практикой Суда, согласно пункту 3 статьи 5 Конвенции существование обоснованного подозрения является обязательным условием для законности продолжительного содержания под стражей (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бузаджи против Республики Молдова» (*Buzadji v. the Republic of Moldova*), жалоба № 23755/07, пункт 87, ЕСПЧ 2016 (выдержки)). Следовательно, Суд считает более надлежащим рассмотрение настоящей жалобы в соответствии с пунктом 3 статьи 5 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 31 мая 2011 года по делу «Ходорковский против России» (*Khodorkovskiy v. Russia*), жалоба № 5829/04, пункт 165; постановление Европейского Суда от 15 мая 2014

года по делу «Тараненко против России» (*Taranenko v. Russia*), жалоба № 19554/05, пункт 46; и постановление Европейского Суда от 17 сентября 2015 года по делу «Ковязин и другие против России» (*Kovyazin and Others v. Russia*), жалобы №№ 13008/13, 60882/12 и 53390/13, пункт 71).

53. Кроме того, Суд считает, что жалоба заявителя на нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что эта часть жалобы не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

54. Стороны привели по сути те же доводы по статье 5 Конвенции, что и в упоминаемом выше постановлении по делу «Ковязин и другие против России» (пункты 73-74). Соответствующие общие принципы, применимые к настоящему делу, описаны Судом в вышеупомянутом постановлении (там же, пункты 75-78).

55. Период содержания под стражей, который следует принимать во внимание в настоящем деле, начался 8 июня 2012 года, т.е. с даты задержания заявителя, и завершился 21 февраля 2014 года, когда он был признан виновным. Соответственно, рассматриваемый период составляет один год и восемь месяцев. Принимая во внимание этот значительный срок содержания под стражей в свете презумпции в пользу освобождения, Суд считает, что российские органы власти должны были привести очень весомые причины для применения к заявителю этой меры.

56. Из распоряжений о заключении заявителя под стражу и замечаний Властей следует, что основной причиной для содержания заявителя под стражей послужила тяжесть предъявленных обвинений. Во-первых, внутригосударственные суды сочли, что заявитель, столкнувшись с угрозой тюремного заключения, вероятно, мог скрыться, оказать давление на свидетелей и вмешаться в отправление правосудия. Во-вторых, они предполагали, что сам характер рассматриваемых преступлений, вместе с информацией о характере заявителя, указывали на возможность повторного совершения преступления и затруднения уголовного судопроизводства. Также суды отклонили ходатайства заявителя в отношении альтернативной превентивной меры, так как ни одна другая мера не могла обеспечить отправление правосудия в рамках дела.

57. Ранее Суд уже рассматривал аналогичные жалобы, поданные соответчиками заявителя, где он признал нарушение их прав, закрепленных в пункте 3 статьи 5 Конвенции (см. упоминаемое выше

постановление по делу «Ковязин и другие против России», пункты 82-94, и упоминаемое выше постановление по делу «Ярослав Белоусов против России», пункты 133-38). Суд, в частности отметил, что внутригосударственные суды ссылались на тяжесть предъявленных обвинений как на основной фактор при оценке вероятности того, что заявитель скроется, продолжит заниматься преступной деятельностью или воспрепятствует отправлению правосудия, а также их нежелание уделить должное внимание оценке личной ситуации заявителя и учесть факторы, говорящие в пользу освобождения. Европейский Суд также отметил использование коллективных постановлений о заключении под стражу без проведения индивидуальной оценки оснований для заключения под стражу каждого соответчика, и отсутствие тщательного рассмотрения возможности избрания менее жесткой меры пресечения, такой как освобождение под залог.

58. Рассмотрев все представленные материалы, Суд полагает, что Власти не предоставили каких-либо фактов или доводов, способных привести к иным выводам по настоящему делу. В самом деле, определенное преступление, вмененное заявителю, а именно, выкрикивание антиправительственных лозунгов (классифицированное в качестве тяжкого преступления) и бросание гудрона в полицейского, не нанесшее д лящегося вреда (классифицированное в качестве преступления средней тяжести), само по себе не было настолько тяжким, чтобы являться основанием для предварительного заключения под стражу, особенно на дальнейших этапах судебных разбирательств (см. постановление по делу Ковязина и других, упомянутое выше, пункт 84, и дела, упомянутые в нем). Более того, срок содержания заявителя под стражей был продлен теми же коллективными распоряжениями, что и в отношении его соответчиков, без проведения индивидуальной оценки его ситуации (там же, пункты 92-93).

59. Соответственно, по настоящему делу было допущено нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

60. Заявитель подал ряд других жалоб по статье 6 Конвенции относительно различных аспектов судебного процесса в его отношении. Он ссылался на его содержание в стеклянных кабинках в ходе судебного слушания, интенсивный график слушаний, и утверждал, что не имел достаточно времени и средств для подготовки своей защиты. Он также указал, что не мог эффективно защищать себя по причине отсутствия возможности конфиденциальной консультации с его адвокатом в ходе суда. Заявитель ссылался на пункт 1 и подпункты (b) и (c) пункта 3 статьи 6 Конвенции, которая, в соответствующей части, гласит следующее:

«1. Каждый... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное слушание дела...

3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

(b) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты;

(c) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия ...»

61. Власти указали, что заявитель не подал жалобы согласно статье 6 Конвенции в апелляционный суд. Заявитель возразил, что он исчерпал внутригосударственные средства правовой защиты в отношении указанных жалоб.

62. Суд ранее устанавливал, что апелляционная инстанция была в состоянии предоставить эффективное средство правовой защиты в отношении предполагаемого нарушения статьи 6 Конвенции в случае соответчика заявителя (см. постановление по делу Ярослава Белоусова, упомянутое выше, пункт 141). Суд отмечает, что заявитель не включил указанные жалобы в свою апелляцию в качестве оснований для своего ходатайства об отмене постановления, вынесенного судом первой инстанции. Соответственно, он не предоставил внутригосударственным судам возможности рассмотрения определенного нарушения Конвенции, предположительно допущенного Государством. Следовательно, указанные жалобы должны быть объявлены явно необоснованными, и должны быть отклонены в соответствии с пунктами 1 и 4 статьи 35 Конвенции.

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 10 И 11 КОНВЕНЦИИ

63. Заявитель также утверждал, что имело место нарушение его права на свободу выражения мнения и права на мирные собрания. В частности, он жаловался на то, что меры безопасности, приводящие к таким нарушениям, были приняты на месте проведения митинга на Болотной площади. Он также возразил, что его последующее преследование и признание виновным в участии в массовых беспорядках являлись произвольными и несоразмерными. Заявитель ссылался на статьи 10 и 11 Конвенции, которые гласят:

Статья 10

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных

властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

Статья 11

«1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов.

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц...» Настоящая статья не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции или административных органов государства.

А. Приемлемость жалобы

64. Власти утверждали, что заявитель не подавал жалоб во внутригосударственные суды в отношении общих действий полиции по защите общественного порядка в ходе собрания. Следовательно, они ходатайствовали перед Судом об объявлении данной части жалобы неприемлемой по причине неисчерпания внутригосударственных средств правовой защиты или по причине несоблюдения шестимесячного срока.

65. Заявитель утверждал, что он выполнил критерии приемлемости в отношении своей жалобы.

66. Суд отмечает, что заявитель в настоящем деле был признан виновным в участии в массовых беспорядках, которые привели к прерыванию собрания. Следовательно, основание ответственности за указанные действия являлось основным вопросом при определении уголовных обвинений заявителя. В таких обстоятельствах, его жалоба на роль органов власти в том, что имели место беспорядки, неотделима от вопроса об отсутствии обоснования в отношении уголовной ответственности заявителя. По этой причине от Суда не требуется оценка предполагаемого неисполнения органами власти своего позитивного обязательства в отношении проведения собрания на

Болотной площади в качестве отдельного вопроса в соответствии со статьей 11 Конвенции. Суд рассмотрит вопрос о том, соответствовали ли меры, принятые в отношении заявителя, указанному положению, с учетом всех материалов, представленных сторонами в отношении планирования, проведения и разгона собрания (см. постановление по делу Ярослава Белоусова, упомянутое выше, пункт 158, и постановление по делу Фрумкина, упомянутое выше, пункты 100-01 и 134, в которых был поднят отдельный вопрос в отношении протестующего, не обвиненного в участии в массовых беспорядках). Следовательно, нет необходимости рассматривать, выполнил ли заявитель требования приемлемости в отношении жалобы на общие действия полиции в ходе мероприятия.

67. Суд отмечает, что жалоба заявителя на преследование и признание виновным, поданные в соответствии со статьями 10 и 11 Конвенции, не является явно не-обоснованной по смыслу подпункта (а) пункта 3 статьи 35 Конвенции. Кроме того, Суд отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

1. Замечания сторон

68. Замечания Властей по существу дела были идентичны представленным в постановлении по делу Ярослава Белоусова (упомянуто выше, пункты 160-63).

69. Заявитель указал, что он был мирным и законопослушным, и не планировал принимать участие в массовых беспорядках. 6 мая 2012 года он пошел принять участие в мирном собрании, которое было разрешено московскими органами власти. Он указал, что на официально опубликованной карте собрания было указано, что место проведения собрания включает парк на Болотной площади, и что органы власти не уведомили участников об изменении схемы места проведения мероприятия. Неожиданное размещение полицейского кордона возле Малого Каменного Моста ограничило маршрут доступа к месту проведения митинга, что привело к путанице и переполненности в данном районе. Заявитель утверждал, что эпизоды беспорядков и столкновений между протестующими и полицией были обусловлены необъявленным изменением плана. Еще одной причиной являлся отказ органов власти разместить полицейских таким образом, чтобы прекратить блокирование людей и остановить панику среди протестующих.

2. Оценка обстоятельств дела Европейским Судом

(а) Предметный охват жалоб заявителя

70. Суд отмечает, что в обстоятельствах настоящего дела статью 10 Конвенции следует рассматривать в качестве *lex generalis* в отношении статьи 11 Конвенции, *lex specialis* (см. постановление Европейского Суда от 26 апреля 1991 года по делу «Эзелин против Франции» (*Ezelin v. France*), пункт 35, Серия А № 202, и постановление Европейского Суда от 3 октября 2013 года по делу «Каспаров и другие против России» (*Kasparov and Others v. Russia*), жалоба № 21613/07, пункты 82-83). Суд рассмотрит настоящую жалобу в соответствии со статьей 11 Конвенции.

71. С другой стороны, несмотря на ее независимую роль и особую сферу применения, статья 11 Конвенции в настоящем деле должна также рассматриваться в свете статьи 10 Конвенции. Защита личного мнения, гарантированная статьей 10 Конвенции, является одной из целей права на свободу мирных собраний, закрепленного статьей 11 Конвенции (см. вышеупомянутое постановление Европейского Суда по делу Эзелина, пункт 37).

(б) Имело ли место вмешательство в осуществление права на свободу мирных собраний

72. Суд ранее указывал, что собрание на Болотной площади 6 мая 2012 года относилось к рамкам действия статьи 11 Конвенции (см. постановление по делу Ярослава Белоусова, упомянутое выше, пункты 168-71). Что касается заявителя, из описания вмененных ему преступлений не следует того, что он находился в числе лиц, несущих ответственность за первоначальные агрессивные действия, которые способствовали ухудшению первоначального мирного характера собрания. Соответственно, он пользовался защитой в соответствии со статьей 11 Конвенции. Суд также заключает, что преследование и признание заявителя виновным в участии в массовых беспорядках представляли собой вмешательство в осуществление свободы собраний.

(в) Являлось ли вмешательство «предписанным законом», преследовало ли оно законную цель и являлось ли «необходимым в демократическом обществе»

73. Стороны привели по сути такие же доводы в отношении законности вмешательства, что и указанные в постановлении по делу Ярослава Белоусова (упомянуто выше, пункт 173). Суд не видит причин для иного вывода по настоящему делу (там же, пункты 174-75). Суд заключает, что предварительное содержание заявителя под стражей и преследование являлись законными, и преследовали

законные цели, состоящие в предотвращении беспорядков и преступлений и защите прав и свобод других лиц.

74. Что касается вопроса о том, являлся ли уголовный приговор «необходимым в демократическом обществе», Суд отмечает, что заявитель был признан виновным в совершении двух уголовных преступлений, а именно, в участии в массовых беспорядках (статья 212 Уголовного кодекса) и совершении насильственных действий в отношении полицейского (статья 318 Уголовного кодекса). Он был приговорен к лишению свободы сроком на три года и шесть месяцев в соответствии с указанными положениями, за бросание кусков гудрона в полицейских, при этом один из таких кусков ударил полицейского по руке, сломав ему палец, что не подвергло опасности жизнь или здоровье последнего, и за выкрикивание антиправительственных лозунгов при посещении разрешенного общественного собрания.

75. Суд повторяет, что в случае, когда лица принимают участие в насильственных действиях, государственные органы власти пользуются более широкой степенью усмотрения при рассмотрении необходимости вмешательства в свободу собраний, и наложение санкций за такие предосудительные действия считается совместимым с гарантиями, приведенными в статье 11 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 19 января 2016 г. по делу «Гюльдджю против Турции» (*Gülcü v. Turkey*), жалоба № 17526/10, пункт 116, и упомянутые в нем дела). В настоящем деле Суд отмечает, что суд первой инстанции не проверил версию событий, изложенную заявителем. В частности, он отклонил утверждения заявителя о том, что он не кидал куски гудрона или не причинял телесные повреждения К., как необоснованные, при этом отказав в допросе свидетеля стороны защиты, полицейского Ш., который мог подтвердить показания заявителя. Апелляционный суд не рассмотрел указанные недостатки, несмотря на жалобу заявителя. В таких обстоятельствах нельзя сказать, что заявитель пользовался процессуальным средством защиты от произвольного вмешательства в права, гарантированные статьями 10 и 11 Конвенцией, в ходе внутригосударственных судебных разбирательств (там же, пункт 114). В любом случае, даже если предположить, что лишение свободы сроком на один год и четыре месяца в соответствии со статьей 318 Уголовного кодекса за применение насилия в отношении представителя власти было оправданным, следует отметить, что такая мера являлась более мягким наказанием по сравнению с частично совпадающим лишением свободы сроком на три года за участие в массовых беспорядках.

76. Основным обоснованием, указанным Властями для такого сурового приговора, являлся серьезный риск гражданских волнений, существующий в период рассматриваемых событий, в частности, существовала угроза политической стабильности и общественному

порядку. Таким образом, тяжесть наказания обусловлена общим контекстом нападения заявителя на полицейского, а не травмой, нанесенной заявителем. Как указано выше, нанесение телесного повреждения полицейскому К. повлекло приговор к лишению свободы сроком на один год и четыре месяца. Принимая во внимание другие действия, вмененные заявителю, оказалось, что его пребывание на месте проведения митинга и выкрикивание антиправительственных лозунгов привело к добавлению двух лет и двух месяцев к его сроку лишения свободы в соответствии со статьей 212 Уголовного кодекса. Указанные действия, в отличие от бросания кусков гудрона (уже вмененного в соответствии со статьей 318 Уголовного кодекса), являлись мирными и представляли собой акт протеста, форму выражения мнения, защищенную статьей 10 Конвенции (см. постановление по делу Тараненко, упомянутое выше, пункт 70, и упомянутые в нем дела). Если бы внутригосударственные суды приняли во внимание тот факт, что заявитель выкрикивал лозунги, реализуя свое право на свободу выражения мнения и свободу собраний, они могли бы счесть это смягчающим фактором. Напротив, они наказали заявителя за политическое заявление, которое он намеревался выразить посредством своего присутствия на месте проведения мероприятия, и за выкрикивание ненасильственных политических лозунгов.

77. При оценке суровости наказания за участие в массовых беспорядках, для Суда важным фактором является то, что материалы уголовного дела не предполагали предварительно имевшегося у заявителя намерения принять участие в таких действиях. Как и в деле Ярослава Белоусова (упомянуто выше, пункт 179), ничто в материалах дела не предполагает того, что заявитель нес ответственность за начало столкновений между протестующими и полицией. Из обвинительного заключения следует, что заявитель бросал куски гудрона в разгар столкновений, когда полиция уже осуществляла задержание протестующих. Общее поведение, вмененное заявителю, несмотря на то, что включало насилие, не носило регулярного характера и не достигало степени агрессии, которая, как признал Суд в других делах, вела к насилию, что требовало принятия решительных мер, в частности, последующего приговора протестующих к продолжительному лишению свободы (см., для сравнения, решение Европейского Суда от 11 октября 2001 года по делу «Османи и другие против Бывшей Югославской Республики Македония» (*Osmani and Others v. the Former Yugoslav Republic of Macedonia*), жалоба № 50841/99, и постановление Европейского Суда от 12 июня 2014 года по делу «Примов и другие против России» (*Primov and Others v. Russia*), жалоба № 17391/06, пункты 156-63).

78. Принимая во внимание незначительную роль заявителя в собрании и тот факт, что он случайно принял участие в столкновениях, Суд не считает, что риски, указанные Властями, а именно, потенциальные гражданские волнения, политическая нестабильность и угроза общественному порядку имели отношение к заявителю. Суд не одобряет насильственные действия заявителя и повторяет, что государственные органы власти пользуются более широкой степенью усмотрения при наказании таких действий (см. постановление по делу Гюльдجو, упомянутое выше, пункт 116, и постановление по делу Тараненко, упомянутое выше, пункты 81--97), и считает, что причины, указанные Властями, не могут являться основаниями для лишения свободы сроком на три года за участие в массовых беспорядках согласно статье 212 Уголовного кодекса. Суд считает, что не существовало «неотложной социальной необходимости» выносить заявителю приговор с таким сроком лишения свободы, дополнительно к приговору за нападение на полицейского.

79. Более того, надлежит подчеркнуть, что признание заявителя виновным, и в особенности суровость приговора, должны были отбить у него и других лиц, поддерживающих оппозицию, и общества в целом, желание посещать демонстрации, и, в более общем смысле, участвовать в открытых политических дебатах. Охлаждающий эффект санкций, наложенных на него, был также усилен широкомасштабными судебными разбирательствами по делу, которые широко освещались в СМИ.

80. Принимая во внимание суровость санкций, наложенных на заявителя, Суд заключает, что признание его виновным являлось мерой, несоразмерной законным целям по предотвращению беспорядков и преступлений, и защите прав и свобод других лиц, и следовательно, не являлось необходимым в демократическом обществе.

81. Соответственно, имело место нарушение статьи 11 Конвенции.

VII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 18 КОНВЕНЦИИ

82. Заявитель жаловался в соответствии со статьей 18 Конвенции на то, что уголовное судопроизводство по его делу преследовало цель, состоящую в подрыве его права на свободу собраний. Суд считает, что указанная жалоба должна рассматриваться в соответствии со статьей 18 совместно со статьей 11 Конвенции. Статья 18 Конвенции гласит следующее:

«Ограничения, допускаемые в настоящей Конвенции в отношении указанных прав и свобод, не должны применяться для иных целей, нежели те, для которых они были предусмотрены».

83. В своих замечаниях в данном отношении стороны повторили свои аргументы в отношении предполагаемого вмешательства в право на свободу собраний.

84. Суд отмечает, что данная жалоба связана с жалобами на нарушение статьи 11 Конвенции, которые были рассмотрены выше, и поэтому также должна быть признана приемлемой.

85. Суд ранее установил, что предварительное содержание заявителя под стражей и преследование не являлись необходимыми в демократическом обществе и что они были направлены на предотвращение или исключение его желания или желания других лиц принимать участие в митингах протеста и принимать активное участие в оппозиционной политике (см. пункты 78-80 выше).

86. Принимая во внимание эти выводы, Суд считает, что жалоба в соответствии со статьей 18 совместно со статьей 11 Конвенции не поднимает отдельных вопросов, и что не имеется необходимости изучать вопрос о том, имело ли место нарушение данного положения в рамках настоящего дела.

VIII. ПРИМЕНЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

87. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение положений Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного возмещения, Суд, в случае необходимости, присуждает выплату справедливой компенсации потерпевшей стороне».

A. Ущерб

88. Заявитель требовал 1 100 000 евро в качестве компенсации мораль-ного вреда.

89. Власти оспорили требования заявителя как завышенные.

90. В настоящем деле Суд установил нарушения статей 3, 5 и 11 Конвенции в отношении заявителя. В данных обстоятельствах Суд считает, что страдания и стресс, которые испытал заявитель, не могут быть компенсированы лишь установлением факта нарушения. Произведя оценку на справедливой основе, Суд присуждает заявителю 12 500 евро в качестве компенсации морального вреда.

91. Также Суд отмечает, что несмотря на то, что заявитель уже был освобожден после отбывания наказания, он все еще может столкнуться с негативными последствиями в результате несоразмерно сурового приговора. Таким образом, обязательство по исполнению настоящего постановления потребует принятия других мер дополнительно к выплате справедливой компенсации, присужденной Судом, цель

которой заключается исключительно в возмещении последствий нарушения, которые не могут быть возмещены иным способом (см. постановление Европейского Суда по делу «Савриддин Джураев против России» (*Savriddin Dzhurayev v. Russia*), жалоба № 71386/10, пункт 252, ЕСПЧ 2013 (выдержки). Таким образом, Государство-ответчик должно принять соответствующие меры для устранения последствий любого прошлого или будущего ущерба заявителю в результате несоразмерного приговора, который, как заключил Суд, приводит к нарушению Конвенции (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Скоzzари и Гиунта против Италии» (*Scozzari and Giunta v. Italy*), жалобы №№ 39221/98 и 41963/98, пункт 249, ЕСПЧ 2000-VIII). В данном контексте Суд повторяет, что несмотря на то, что Государство-ответчик, в принципе, свободно выбирать способы исполнения указанного обязательства, Комитет Министров должен оценить, являются ли такие способы совместимыми с выводами, приведенными в соответствующем постановлении Суда, и соответствуют ли подходу, принятому органами Конвенции в аналогичных делах (см., к примеру, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маестри против Италии» (*Maestri v. Italy*), жалоба № 39748/98, пункт 47, ЕСПЧ 2004-I, и Резолюцию Комитета Министров ResDH(2010)63 от 3 июня 2010 года по исполнению постановления Европейского Суда от 21 февраля 2006 года по делу «Одабаши и Кочак против Турции» (*Odabaşı and Koçak v. Turkey*), жалоба № 50959/99).

Б. Издержки и расходы

92. Заявитель не выдвигал каких-либо требований по этому пункту. В связи с этим Суд считает, что необходимость присуждения ему какой-либо суммы в этом отношении отсутствует.

В. Проценты за просрочку платежа

93. Суд считает приемлемым, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере, равном предельной годовой процентной ставке Европейского Центрального Банка, плюс три процента.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ, СУД

1. *решил*, единогласно объединить данные жалобы в одно производство;

2. *объявил, единогласно*, жалобы, поданные в соответствии со статьей 3 Конвенции на условия транспортировки и содержание в стеклянных кабинах в залах суда, и в соответствии со статьями 5, 10, 11 и 18 Конвенции – приемлемыми, и остальные жалобы – неприемлемыми;
3. *постановил, единогласно*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в связи с условиями транспортировки в/из суда;
4. *постановил, единогласно*, что в настоящем деле было допущено нарушение статьи 3 Конвенции в связи с помещением заявителя в стеклянную кабину в зале суда № 338 Московского городского суда;
5. *постановил, единогласно*, что в настоящем деле не было допущено нарушения статьи 3 Конвенции в связи с помещением заявителя в стеклянную кабину в зале суда № 635 Московского городского суда;
6. *постановил, единогласно*, что было допущено нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции;
7. *постановил, шестью голосами против одного*, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции;
8. *постановил единогласно*, что необходимость в рассмотрении жалоб, поданной на основании статьи 18 Конвенции, отсутствует;
9. *постановил*
 - (а) шестью голосами против одного, что государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трех месяцев со дня вступления данного постановления в силу, в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции, 12 500 (двенадцать тысяч пятьсот) евро в валюте государства-ответчика по курсу, установленному на день выплаты, а также все налоги, подлежащие начислению на указанную сумму, в качестве возмещения морального вреда;
 - (б) единогласно, что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на вышеуказанные суммы начисляются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка в течение периода просрочки, плюс три процентных пункта;

10. *отклонил*, единогласно, остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке; уведомление о постановлении в письменном виде направлено 30 января 2018 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Фатош Араци
Заместитель Секретаря

Хелена Йедерблом
Председатель

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к настоящему постановлению прилагается особое мнение судьи Дедова.

Х. Й.
Ф. А.

ЗАЯВЛЕНИЕ СУДЬИ ДЕДОВА

Я голосовал против признания нарушения статьи 11 Конвенции по тем же причинам, указанным в моем особом мнении в постановлении Европейского Суда от 30 января 2018 года по делу «Барабанов против России» (*Barabanov v. Russia*) (жалобы №№ 4966/13 и 5550/15, 30 января 2018 года).